

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
АНДРЕЙ ЕГОРОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»
**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

«ЦИКЛ ВЕТРА И ИСКР»
**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

ЦИКЛ «СТРАЖ»
**СТРАЖ
АУТОДАФЕ**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

**ШАНС
ЗАКЛИНАТЕЛИ**

Цикл
«НОЧНАЯ СТОЛИЦА»
**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
АНДРЕЙ ЕГОРОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ, ГОВОРЯТ:

В мире, где живут одни лишь тени, лучший способ существования — стать одной из них. В мире, где тени диктуют условия жизни, лучший способ существования — подчиниться этим условиям.

В мире, где тени пребывают в иллюзиях и веруют в наступление светлого будущего, — веровать.

ВНЕМЛИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА:

В мире, где живут одни лишь тени, лучший способ существования — влиять на них.

В мире, где тени диктуют условия жизни, вы должны стать их полновластными хозяевами, а они пусть станут вашими рабами и рабами ваших идей.

В мире, где тени пребывают в иллюзиях и веруют в наступление светлого будущего, ваше предназначение — указать им путь в ад.

Последний Завет. Книга Нового мира.

Послание заново рожденным. Ст. 50

Крысокот потянулся и, выпустив когти, протяжно зевнул — показал всему свету редкие острые зубы. Герман сбросил остатки дремоты, встал и, перешагнув через развалившегося на бетонном полу зверя, подошел к окну. Дождь никак не желал прекращаться, хотя по прошествии двух часов успел превратиться из тугого ливня в липкую серую морось.

Герман накинул капюшон куртки, призванный защитить его голову, если в падающей с неба воде вдруг окажется какая-нибудь ядовитая дрянь. Сейчас шанс попасть под «горячий дождь» не так велик, как в былые времена, например, сразу после окончания Последней войны, но кому же охота риско-

вать собственными волосами и здоровьем? Герману совсем не улыбалось до конца жизни ходить лысым, как Старый Кра, который по глупости попал лет тридцать назад под «горяченький дождик».

Старый пьяница Кра выглядел крайне отталкивающе. Впрочем, Герман видел в своей жизни и таких (язык не поворачивается назвать их людьми), у кого на голове вместо волос шевелилась живая червивая каша, словно клубок крохотных змей, готовый в любой момент ужалить всякого, кто к ним приблизится. Вот это действительно омерзительное зрелище.

— Пожалуй, стоит посидеть в укрытии еще с полчаса, — пробормотал Герман и, повернувшись к крысочоту, спросил: — У тебя какие мысли на этот счет, тупая скотина?

Крысочот, как всегда, ничего не ответил, только дернул хвостом. Это всякие ненормальные, вроде Мегаников с их оголтелым религиозным фанатизмом, привыкли думать, что любые мутанты (будь они хоть лягушкокроты) обязательно должны говорить и распространять ересь среди кланов. На самом деле крысочот был существом вполне безобидным — в религиозные споры никогда не лез, да и вообще предпочитал любому общению хорошую еду. Попросту говоря, крысочот был обыкновенным зверем, не лишенным, правда, некоторых врожденных талантов. Судя по мокрым следам на полу, пока Герман дремал, Гнев бегал прогуляться. Наверное, опять охотился на ревунов. Интересно, как долго он отсутствовал?

Герман вновь подошел к разбитому окну и, прижавшись к стене, выглянул на улицу. Напротив дома, где он прятался, высилось строение с провалившимся куполом — Центральный вокзал Города. Несмотря на середину лета, было по-осеннему холодно, и в опускающихся на Город сумерках уже мелькали первые туманные нити. Туман — вечная беда этой части Города. Недалеко река, да и из подземки сырой мутной дряни вываливается больше, чем жевал и медведкочервей вместе взятых. Герман не любил туман. Туман скрывает и обманывает. Никогда не ясно, что еще в нем может скрываться, поджидая тебя, готовое обрушиться на спину, едва ты пройдешь мимо.

Крысочот вдруг вскочил и наострил уши. Где-то за вокзалом раздался едва различимый гул монорельса.

«Опять Меганики что-то задумали,— подумал Герман,— в последнее время от них житья не стало. Нет, положительно пора сваливать отсюда, пока неприятности не пришли за мной сами».

Герман чувствовал себя весьма неудобно, что, впрочем, немудрено — на этот раз он слишком далеко забрался от территории родного клана, а Мусорщики, которым принадлежал этот район Города, не слишком жаловали чужаков. Точнее, совсем не жаловали. А уж если у чужака с собой полный мешок семян и корнеплодов, которые он выкрал у них с грядки, тогда вообще труба. Если поймают, в лучшем случае прикончат сразу. А скорее всего, заберут с собой в подземные норы и там будут пытаться...

Звук монорельса затих в туманной дали. Следовало уходить, но Герман никак не мог решиться. Через полтора часа стемнеет, и разум говорил ему, что лучше переждать ночь здесь, на верхнем этаже давно заброшенного здания. А вот внутреннее чутье подсказывало иное.

Герман снова выглянул в окно. Ничего не изменилось — серое, угрюмое здание Центрального вокзала, мокрый от дождя асфальт, ржавый остов автомобиля, неизвестно как оказавшийся прижатым к выгнутому фонарному столбу. Все, как и прежде, вот только тумана стало больше, словно его кто-то подгонял. Что-то смущало Германа. Что-то здесь было не так...

«Придется вновь воспользоваться запретным»,— подумал Герман и чертыхнулся про себя.

Он не слишком любил проделывать ЭТО, осознавая про себя, что это *неправильно*, да и многие в клане Ветродувов не терпели ничего запретного. Не то чтобы они были заодно с Меганиками, и все же отношение к запретному у них было самое негативное. Герман с детства привык скрывать свои особенные способности, но как долго он сможет прятать талант внутри себя? Когда-нибудь они непременно узнают и заклеят его Универсалом или того хуже — мутантом...

Герман вздохнул и, присев возле стены, принялся сканировать частоту за частотой, спектр за спектром. Мысль его блуждала где-то далеко, а глаза были абсолютно пусты. Если бы кто-то взглянул в этот момент на Германа, он решил бы,

несмотря на едва заметное подрагивание пальцев, что человек оставил свое тело и отправился куда-то погулять.

Так и есть! Предчувствия не обманули охотника. В Центральном вокзале кто-то скрывался — он засек на одной из частот едва различимый шорох сердечного ритма. По крайней мере, Герман очень надеялся, что это — человек, а не какой-нибудь мутант. Человек?! Но что он там делает? Скрывается от дождя? Возможно. А может быть, и нет. Может, это кто-то из Мегаников с монорельса? Маловероятно. Эти по одиночке никогда не ходят. Тогда кто? Может, незнакомец выслеживает именно его?

Решено! Он уйдет немедленно. Герман забросил мешок на спину, взял в руки арбалет, топнул по полу, призывая крысочота — наряду со словами зверь подчинился и специальному набору команд, состоявшему из одних жестов, прикосновений и в гораздо меньшей степени слов. Пригнувшись, Герман побежал к лестнице. Спустился на первый этаж. Затем в подвал. Незнакомец наблюдает за выходом, а через окно подвала, выходящее на противоположную от Центрального вокзала сторону, можно выбраться незаметно. Герман швырнул из окна тяжелый мешок, подтянулся и выбрался на мокрый асфальт. Крысочот прыгнул, мгновенно оказавшись рядом. Он всегда был рядом в нужную минуту. Верный спутник, бессловесный и преданный, готовый вцепиться в глотку любому врагу, угрожавшему жизни хозяина. Герман тронул Гнева за ухом, и тот едва слышно пискнул, радуясь случайной ласке хозяина.

Герман усмехнулся. Пусть тот, кто наблюдает за ним, и дальше мозолит себе глаза. Только Германа там уже нет. Если парень догадается, что его облапошили, и пойдет следом — всегда можно воспользоваться арбалетом.

«Добычу не отдам, — подумал Герман, — лучше умру... А еще лучше — прикончу того, кто следит за мной, и посмотрю, что у него в карманах. Может, найдется что-то ценное».

Вдоль улицы Герман бежал медленно, пригнувшись, прижимаясь к стенам домов, нависающим над растрескавшимся от времени асфальтом, — опасался, что кто-то или что-то может заметить его и напасть. Конечно, бежать вдоль зданий тоже опасно: их никто не ремонтировал со времен Последней

войны, иногда простое прикосновение приводило к мгновенному разрушению. На той неделе, например, рухнул один из небоскребов в районе, принадлежащем дружественному клану Бастиона. Поговаривают, что под его обломками погибли десятки людей. Да и зияющие провалы окон могут скрывать любую мерзость. Мутанты имеют обыкновение нападать неожиданно. А некоторые ходят настолько бесшумно, что их не услышал бы и Старый Кра, об остроте слуха которого ходили легенды. Хорошо, если это окажутся безобидные ревуны — их можно не опасаться, а вдруг кто-то другой — не в меру зубастый и прожорливый? В любом случае идти вдоль домов намного безопаснее, чем по центру улицы. Проще уж сразу заорать: «Я здесь!», привлекая к себе всеобщее и в общем-то ненужное внимание.

Несколько раз Герман останавливался — вслушивался в тишину, разлившуюся на сумеречной улице, и косился на крысочота, но зверь и в ус не дул. Значит, опасности нет или же она такая, что крысочот попросту не может ее учуять. Дважды оборачивался — нет ли погони, но все было тихо. Похоже, ему удалось перехитрить незнакомца.

Герман поспешил дальше, дав зверю команду следовать за ним. Перебрался через завал, образовавшийся после того, как рухнуло здание городской ратуши, прыгнул на ржавые рельсы, по которым в далеком прошлом ползали локомотивы, прошел по ним метров триста и свернул на узкую, уже знакомую ему по более ранним вылазкам улочку. Теперь до границы района Мусорщиков было рукой подать. Следовало сохранять осторожность. Помоишные черти вполне могли оставить наблюдателя или того хуже — посадить кого-нибудь с арбалетом на верхние этажи ветхих зданий. Герман знал, что обычная куртка, скроенная из кожи жабы, от арбалетного болта не спасет, а потому решил, что вести себя нужно тише воды ниже травы. Уже не один следопыт Ветродувов сгинул в районе Мусорщиков, понадеявшись на собственную удачу и утратив осторожность.

Конечно, проще всего было протопать по рельсам еще два километра и по железнодорожному мосту, перекинутому через реку, перейти на территорию своего клана, но уж больно не

хотелось шляться по открытой местности. Поэтому-то Герман и свернул на неприметную, на первый взгляд, улочку. Здесь он был всего раз, да и то с другой стороны. Мрачный силуэт буквы «U» расстроил Германа до невозможности. Чего ему для полного счастья не хватало, так это находящегося по соседству спуска в подземку. Вот уж от чего следует держаться подальше! Конечно, слухи, бродившие по Городу, о тех тварях, что поселились в подземельях Франкфурта — детские сказки, но в сказках, как показывает многолетняя практика, всегда есть доля истины. Иногда из темных жерл подземелья выползают самые жуткие твари или, что порой еще хуже, выходят те, кто когда-то был людьми. Обычно это происходит, когда река разливается и заполняет водой подземные коммуникации, но иногда у живущих под землей появляются иные мотивы выползти на свежий воздух. Например, пожарть. Герман по опыту знал, что явление «подземных красавцев» происходит обычно в самый неподходящий момент, когда никаких неприятностей не ждешь. А они вот на тебе, сами пришли!

Герман проверил, снят ли предохранитель, и, перебежав на другую сторону улицы, двинулся вперед, продолжая коситься в сторону темного провала — спуска в подземку. Запретным в данном случае пользоваться было бесполезно — Герман мог ощущать на расстоянии только человека или кого-то напоминающего человека. На всяких медведкочервей и прочих «очаровательных плотоядных созданий» его дар (и его проклятие) не действовал.

Как оказалось, опасался он не зря. Вот только опасность пришла совсем с другой стороны. Крысокот предупреждающе взвизгнул. Герман отпрыгнул в сторону (с тяжелым мешком за плечами такой фокус проделать было не так-то просто) и очень даже вовремя... Длинный аркан языка выстрелил из ржавого корпуса того, что когда-то было автобусом, и шелкнул в воздухе там, где Герман был мгновение назад. Следопыт вскочил, вскинул арбалет. Язык со свистом втягивался в распахнутую пасть жабобыка — тварь вывалилась из автобуса. Крысокот хрипел, будто у него прохудились легкие, но вперед не лез — не тот вес. На асфальте от языка осталась длинная полоса слизи. Герман, понимая, что через несколько секунд

тварь вновь «выстрелит» языком, спустил курок, и бесценный пороховой болт, снаряженный специальным наконечником, ударил в голову монстра. Раздался громкий хлопок, и во все стороны полетели ошметки. Толстое туловище качнулось и повалилось на асфальт, разбрызгивая воду и желтую кровь. По улице загуляло эхо от выстрела.

Первым делом Герман перезарядил арбалет. Затем проверил, действительно ли тварь мертва и нет ли в автобусе ее дружка — небольшие размеры зверя и красные полосы на морде утвердили его в мысли, что это самка, а значит, дружок должен шариться где-то поблизости. Автобус был пуст. То ли самка была убежденной мужененавистницей и не боялась встретить одинокую старость, то ли самец вышел на очередную охоту и рыщет по району Мусорщиков в поисках пропитания. Герман пришел к выводу, что пора немедленно убираться из этой небезопасной местности.

— И вовсе ты не тупая скотина, Гнев, прости, дружище.— Герман погладил животное по серой шерстке. Лысый, острый хвост крысокота вытянулся в струну, и он оглушительно щелкал зубами от счастья.

На этот раз следопыту повезло. Впрочем, самки жабобыков — вечно голодные и ленивые твари — не так уж и опасны, в отличие от самцов, но, испытывая голод, и они могут запросто проявить агрессию. Как это только что и произошло. К тому же эти твари весьма навязчивы. Прицепится к тебе такая вот мадам весом в пару сотен килограммов — и сбивай ее с «хвоста» до потери сознания.

Герман выругался, он не сомневался, что после выстрела о его присутствии узнала вся улица, поэтому он подхватил мешок и уже собирался припустить восwoяси, как вдруг позади сухо щелкнул затвор. Звук этот напомнил Герману закрывающуюся крышку гроба, когда в апреле прошлого года хоронили его возлюбленную — Альбу. Вспомнились кровавые сполохи огня на лицах, гроб горел очень медленно, языки пламени лизали белое дерево, а мать Альбы плакала, закрыв лицо ладонями. Самый неприятный звук в его жизни, и почему-то до сих пор снится ему ночами.

Небольшая неприятность с жабобыком напрочь отбила у Германа присущую ему осторожность, и неизвестный тут же этим воспользовался. Теперь ему предстоит столкнуться с противником куда более умным и изощренным, нежели самка жабобыка. Если незнакомец умеет держать в руках стрелковое оружие, значит, дела совсем плохи.

Все это промчалось в голове за считанные секунды.

— Бросай арбалет и поворачивайся, только очень медленно,— сказал голос за спиной,— и пусть твои руки все время будут у меня на виду. Согласен?

— Конечно,— выдавил Герман, отчаянно соображая, что предпринять.

Гнев зашипел, присел на задние лапы и приготовился к прыжку.

— Зверю своему скажи, чтобы вел себе поспокойнее, если не хочешь, чтобы я его прострелил...

Герману показалось, что голос неизвестного дрогнул, но он решил не торопить события и топнул, призывая крысокота остаться на месте. Тот послушался, но уши по-прежнему прижимал к голове, а в его горле клокотало рычание-кашель. Герман разжал руки, поморщился, когда арбалет упал на асфальт, и, стараясь не делать резких движений, повернулся.

Первое, что почувствовал Герман, увидев незнакомца,— облегчение. Парень хоть и держал в руке старенькую огнестрельную винтовку, явно не принадлежал к Меганикам. И не Мусорщик, слава богу! Правда, лица его Герман не мог видеть — оно было под капюшоном, но зато на рукаве его куртки (даже сумерки и густой туман не смогли этого скрыть) красовался большой белый знак — круг, перечеркнутый волнистой линией. Клан Бастиона. Этого-то какими судьбами сюда занесло? В любом случае с представителем Бастиона всегда можно договориться.

— Это ты был в Центральном вокзале? — спросил Герман куда более уверенно, чем раньше.

Кажется, незнакомец опешил от такой наглости.

— Здесь вопросы задаю я! — процедил он.

— Клан Ветродувов никогда не ссорился с кланом Бастиона,— заметил следопыт.

— Ой ли? — сказал человек, но уверенности в его голосе поубавилось.

Если с Германом что-то случится и Ветродувы об этом прознают, то у Бастиона будут серьезные неприятности. И вполне вероятно, что этому парню перепадет от его же клана за то, что он втравил своих братьев в маленький пограничный конфликт. Исходя из этих рассуждений, Герман сказал:

— Ты ни за что не выстрелишь.

— Почему ты так уверен? — Теперь дуло винтовки смотрело Герману прямо в лицо.

Оч-чень неприятное ощущение.

— На выстрел сбегутся все Мусорщики.

— Были бы здесь Мусорщики, они бы давно прибежали. Ты же тут такой шум устроил.

— Сравнил: мелкий пороховой заряд и выстрел из винтовки,— фыркнул Герман.— Я могу опустить руки? И мы поговорим.

— Ладно,— поколебавшись, согласился незнакомец.— Но лучше бы тебе не дергаться. Эй! Что ты делаешь?!

— Поднимаю арбалет,— невозмутимо произнес Герман.— У тебя за спиной вход в подземку, и я не собираюсь смотреть, как вот эта тварь тебя выпотрошит...

Вопреки всякому разумению представитель клана Бастиона поспешно обернулся, и крысочот, не мешкая, взвился в прыжке. Он что есть сил ударил человека в спину и тут же отскочил в сторону, давая хозяину возможность выстрелить. Потеряв равновесие, незнакомец упал и нажал на спусковой крючок винтовки. В вечерней тишине выстрел показался Герману просто оглушительным. Пуля чиркнула по изрядно изъеденному временем асфальту. Но Герман стрелять не стал. Не такой он кретин, чтобы убивать члена дружественного клана без веской на то причины. Он подошел и наступил на руку, сжимающую оружие. Ботинки у Германа были добротные, довоенные, найденные в одном из схронов, представляющие большую ценность для тех, кто разбирался в хорошей обуви и старинных вещах. Толстые ребристые подошвы украшало что-то вроде небольших шипов. Не очень длинных, но все же весьма полезных, если понадобится карабкаться в гору, ну или потоп-

таться на ком-нибудь. Незнакомец взвыл, разжал пальцы, и Герман вырвал у него оружие. Кулаки так и чесались вмазать гаду по наглой роже. Надо же, вздумал наставлять на него ствол! С трудом, но все же он сдержался, здраво рассудив, что набить морду новому знакомому всегда успеет.

Несколько неумело — не часто ему приходилось держать в руках настоящее огнестрельное оружие — Герман передернул затвор:

— Хорошая винтовка. Осталась со времен Последней войны? Слышал, что у вас в Бастионе есть много чего интересного. А?

Поверженный противник молчал, он не спешил подниматься с мокрого асфальта. Наверное, опасался, что новый знакомый тут же захочет уронить его обратно. Капюшон съехал с головы парня, и Герман увидел, что незнакомец совсем не стар, а очень даже молод, младше Германа лет на десять, а то и пятнадцать. Совсем зеленый, шенок! Как только таких на улицу выпускают в одиночку?! Вроде бы и не мутант. Глаза у представителя клана Бастиона были серые, как осеннее небо, а нос длинный и кривой, так что Герман тут же прозвал его про себя Носатым.

— Гнев, ко мне! — подозвал крысокота Герман, топнув ногой. Крысокот, недовольно ворча, вернулся на место.— Так это ты был в Центральном вокзале?

— Откуда ты знаешь? — угрюмо спросил незнакомец.

— Видел,— усмехнулся Герман.— Так что тебе надо? Ты следил за мной, не так ли? И вот я здесь. Перед тобой. Жду твоих вопросов.

— Отдай винтовку,— попросил Носатый.

— Я что, похож на идиота? — Губы Германа скривились в усмешке.— На Черного Принца, может быть, но никак не на идиота.

Носатый поджал губы и неожиданно всхлипнул:

— Я заблудился.

— Чего-о-о? — Этому малому удалось удивить Германа.

— Заблудился. Не знаю этого района. Увидел тебя, думал, что ты из наших или из Медоедов. Решил подождать и пойти за тобой. Думал, выведешь.

— Тогда зачем напал? — не поверил Герман.

— Я не нападаю. Просто хотел дорогу узнать.— Вид у парня был и в самом деле самый что ни на есть жалкий.

— Ну-ну. Отличный способ узнать дорогу — угрожать винтовкой,— усмехнулся Герман, решив не поддаваться сентиментальным настроениям.

— У тебя эта зверюга, ну и я решил не рисковать...

Похоже, паренек говорил правду, но Герман давно привык не доверять никому. Слишком многие в этой жизни его разочаровывали. Единственная возлюбленная — и та неожиданно и совершенно нелепо сгорела в три дня от желтой лихорадки и ушла навсегда, оставила его...

— По-моему, земли Бастиона в другой стороне,— угрюмо сказал Герман. Воспоминания расстроили его до невозможности.

— Я не вернусь туда,— ответил Носатый.

Изгой? Этого еще только не хватало! На изгоя имеют право охотиться все! Изгой вне закона. Даже Госпитальеры стараются держаться подальше от изгоев, хотя они-то, казалось бы, не отказывали в помощи никому, если, конечно, этот кто-то благодаря собственной глупости не заслужил их гнев.

— Я не изгой! — словно прочитав мысли Германа, неожиданно выкрикнул паренек.— Просто клана Бастиона больше не существует!

— Как?! — Герман так удивился, что разом забыл о том, что незнакомец совсем недавно угрожал ему.— Их что же, всех засыпало обломками рухнувшего здания?

— Эпидемия. Красный тиф. Почти все мертвы.

Герман подавил в себе желание отшатнуться и немедленно выбросить винтовку. Только заразы ему не хватало!

— Я чист, иначе уже был бы покойником.— Носатый поднялся с асфальта.— Красный тиф распространяется быстро. Да чист я, чист! Видишь, на мне нет никаких пятен.

— Темно уже. Я ничего не увижу.— Герман не рискнул приближаться.

— Если бы я был болен, ты бы уже заразился.

Тоже верно. Одного прикосновения к коже или вещам больного было достаточно, чтобы через несколько часов по-

чувствовать недомогание, потом покрыться крупными язвами, а через сутки отдать концы...

— Раскопали? — спросил Герман...

Когда началась Последняя война и с неба стали падать водородные бомбы — это было только самое начало кошмара. Бомб сбросили немного. В ход пошло то, что старики называли бактериологическим оружием и мутагенами. В первые два года после войны большая часть населения планеты погибла совсем даже не от облучения, а от многочисленных болезней. Выжили лишь те счастливики, у которых были стойкие гены и хорошая приспособляемость организма. Людям было суждено пройти через войну и ужасные Черные столетия. Кто-то провел это время в Убежищах, кто-то под открытым небом. Эпидемии схлынули, но до сих пор то здесь, то там появлялась зараза из далекого прошлого. Обычно после того, как какие-нибудь умники из жажды наживы и нездорового любопытства начинали копаться в древних могильниках или заброшенных домах. Обязательно кто-нибудь из них находил не сокровища и довоенные вещи, а дремлющую до поры до времени заразу...

— Нет, не раскопали... ее кто-то подбросил,— с тоской в голосе сказал Носатый.

— М-да? Интересно, и кто же такой дурак?

Герман не поверил словам незнакомца. Кидать заразу соседям было не принято хотя бы по той причине, что по всем законам всемирного свинства от соседей зараза приползает прямо к вашему дому, поскребется в дверь, скрючится у порога и, опершись на длинный костыль, ждет, когда вы ее впустите. Ямы друг другу кланы старались не рыть. Во всяком случае, таким способом войны не велись... Слишком уж все это напоминало самоубийство.

— Меганики могли подбросить,— предположил Носатый,— у них — вакцины, и они не очень-то довольны тем, что мы ладим с мутантами.

Это верно. Меганики не терпели мутантов и тех, кто был с ними на короткой ноге. В последнее время самый влиятельный из кланов Города все больше лез в дела других кланов и говорил, кому и что следует делать. И даже многие из Ветродувов смотрели в рот Меганикам, жадно внимая странному

религиозному учению. Благо им было за что стараться. Механики сохранили довоенные технологии: подачки с их стола были очень ценны.

Внезапно запел ревун, и крысочот предупреждающе хрюкнул. Герман выругался и бросил винтовку под ноги Бастионовцу:

— Мусорщики нас слышали. Все из-за тебя, идиота!

— Что ты делаешь?

— Разве не видно? — Герман подхватил с земли мешок.— Сматываюсь. Попробую прорваться через мост.

— А мне что делать? — растерянно спросил Бастионовец.

— Почему я знаю? — Герман пожал плечами.— Выпутывайся сам, раз ты такой кретин.

Сказал и, не оглядываясь, поспешил вдоль улицы к мосту.

— Постой! Постой! — закричал Носатый.— Да постой же ты! — Он побежал за Германом.

Но тот и не думал останавливаться, он бодро шагал, не забывая оглядываться по сторонам, а крысочот трусил по правую руку. Парень не отставал, он запыхался, не поспевая за широким шагом Германа, и даже попытался остановить его, схватив за плечо. Потом забежал вперед и крикнул:

— Стой, я тебе говорю!

Герман заметил, что винтовка снова в руках Носатого. При чем держит он ее наперевес, направив ствол не куда-нибудь, а в грудь Герману. Тут уже не сдюжили нервы у Гнева, он рванулся вперед, кланули острые зубы, затрещала раздираемая ткань, и Носатый отчаянно закричал:

— А-а-а! Убери его! Убери!

Крысочот терзал широкую штанину с явным удовольствием. Понаблюдав несколько секунд за этой дивной картиной, Герман отозвал зверя и внезапно решил:

— Ладно, так и быть, пойдешь со мной. Только я иду быстро, чур не отставать.

— Я не отстану! — радостно выкрикнул Носатый.

— Имя у тебя есть? Или папа с мамой решили, что и без имени ты неплох?

— Франц, — ответил парень.— Я не подведу, вот увидишь!

— Увижу,— откликнулся Герман и тут же добавил самым мрачным тоном: — если, конечно, переживу эту ночь!

Почувствовав неладное, Франц поспешно обернулся через плечо и шумно втянул в себя воздух. Путь им преграждали шестеро. Трое стояли впереди. Неуклюжие фигуры, заплывшие наростами головы. Мутанты. Безоружные. Трое других явно были людьми и в отличие от своих братьев по клану сжимали в руках копья. К счастью, ни у одного не было ни арбалета, ни лука, ни даже метательного ножа. Мусорщики выбрались из своих нор.

Случайный спутник Германа собирался вскинуть винтовку, но, на его счастье, следопыт Ветродувов обладал отличной реакцией и успел положить на ствол ладонь.

— Погоди-ка,— сказал он,— давай сначала познакомимся с нашими новыми друзьями.

Он сделал едва уловимый жест рукой, и верный Гнев лег на мокрый асфальт, затаившись до поры до времени.

— Привет! — громко сказал Герман.

Из темного провала ближайшего здания вышли еще двое. В руках у Мусорщиков были трубки, стрелявшие — Герман отлично это знал — отравленными паралитическим ядом стрелами, и разделочные ножи. Среди Ветродувов ходили упорные слухи, что Мусорщики иногда поедают своих врагов. Традиция со времен Черных столетий.

На приветствия Германа ребята никак не отреагировали. Мусорщики славились своей нелюбовью к вежливым беседам: любой разговор с ними превращался в монолог, даже мирные переговоры...

— Медленно отступай назад,— сказал Герман, обернулся и понял, что его реплика несколько запоздала — позади, отрезая путь к отступлению, стояли еще пятеро.

— Ну все, нам конец,— забормотал Франц.

— Спокойнее,— сказал Герман, думая о том, что денек выдался неважный, в арбалете совсем мало пороховых зарядов, а умирать почему-то именно сегодня совсем не хочется.

— Бастионовец и Ветродув,— неожиданно заговорил один из Мусорщиков.— Давно не видел такой сладкой парочки. Вы что это, любите друг дружку, да?

— Чего вам надо? — угрюмо спросил Герман.

— А чего ВАМ надо на нашей территории?! — усмехнулся Мусорщик.— Если дома не сидится, то так и быть, мы вам поможем и укоротим ноги, чтобы не устраивали свидания на нашей земле. Взять их, ребята!

Враги двинулись на них. Герман резко вскинул арбалет, намереваясь уже спустить курок, как вдруг... Разъяренный самец жабобыка вылетел из сгустившейся возле высоких зданий мглы и шлепнулся на асфальт в нескольких метрах от них. Все произошло настолько неожиданно, что Герману показалось, будто чудовище упало с неба. Распахнув огромную пасть, жабобык раздулся и заклокотал. В отличие от своей маленькой подружки, совсем недавно отправленной Германом на тот свет, этот экземпляр отождрался до тонны, а то и больше. Во всяком случае, при должном умении и желании такая тварь вполне могла проглотить легкий автомобиль Багажников вместе с пассажирами. Похоже, жабобык уже обнаружил гибель своей второй половины и теперь, застав неподалеку от места преступления целую толпу народа, собирался выместить на ней ярость.

— Ситуация осложняется,— заметил Герман, как показалось Францу, почти веселым голосом. Охотник всегда вел себя в минуту опасности именно так, умело скрывая страх.— Сейчас такое на нас на всех радостное настроение снизойдет, что мы даже в желудке себя хорошо почувствуем.

Мусорщики отступили. Жабобык топтался на месте, клокотал и булькал, не зная, с кого начать. И тут один из шестерки Мусорщиков, преграждавших путь к мосту, совершил роковую ошибку. Он швырнул в жабобыка копьё. Кидаться в жабобыка копьями было так же неразумно, как обсуждать с Меганиками красоту мутантов — разозлишь их до потери сознания. Тварь обиженно взревела, вспомнила далеких квакающих предков и, взвившись в воздух, всем своим немалым весом рухнула на обидчика, заодно придавив еще троих. Массивный хлыст длинного и тяжелого языка разметал ближайших Мусорщиков по проулку. Воцарилось форменное столпотворение, словно в клан приехали Багажники и, не обнаружив положенную дань, решили устроить маленькую кровавую разборку. Жабобык клокотал, шелкал языком, Мусорщики орали, стреляли из трубок

(паралитические стрелы застревали в толстой шкуре чудовища), швырялись в него всем, что попадалось под руку: в ход шли копья, камни, валявшиеся под ногами железки, стекла и ножи.

«Пока ребята резвятся, самое время сделать ноги», — здраво рассудил Герман.

— Бегом! — рывкнул он, толкнул Франца и помчался вдоль улицы туда, где, охая, приподнимались с земли два чудом уцелевших врага.

Носком сапога он изо всех сил ударил одного из них в лицо, так что тот рухнул навзничь. Другой бросился в ноги Францу, и тот упал, винтовка отлетела в сторону. Чертыхнувшись про себя, Герман вернулся, прыгнул уроду на спину и от души врезал ему прикладом арбалета по затылку.

Затем Герман рванул Франца на себя. Парень отчего-то не желал подниматься, только всхлипывал от страха. Герман дернул его сильнее, но тот безвольно повис у него на руках.

— Да что с тобой?! — заорал Герман и только тут заметил, что в голени у представителя клана Бастиона торчит паралитическая стрела.

— Успел-таки воткнуть! — Герман с ненавистью пнул потерявшего сознание врага под ребра. Затем щелкнул пальцами, вызывая Гнева, и взвалил Франца на плечи.

Напоследок он оглянулся и увидел, что разъяренный уколами десятков копий и отравленных дротиков жабобык расшвыривает Мусорщиков таранными прыжками, его длинный язык взвизгивает вверх, опускается вниз и хлещет из стороны в сторону, устраивая в рядах обороняющихся целые просеки. И все же долго зверю не продержаться... Очень скоро паралитический яд сделает свое дело — и монстр завалится на бок, Мусорщики пустят в дело ножи, добывая чудовище, а потом устремятся в погоню за Германом и его тяжеленной ношей.

Мешок, арбалет, парень из клана Бастиона — со всем этим добром он пробежал добрую сотню шагов, потом понял, что окончательно выбился из сил, свернул в развалины ближайшего здания и кинулся вниз по лестнице, ведущей в темноту. Оказавшись в кромешном мраке, он осторожно положил парализованного и мешок на ступени и сделал знак Гневу об-

следовать помещению. Крысочот устремился вниз, появился через минуту и прижался мокрым носом к ладони Германа— все в порядке, подвал свободен. Герман снова взвалил на плечи тяжелую ношу, Франц застонал, и пришлось встряхнуть его, чтобы он заткнулся. Они спустились в глубокий подвал, здесь Герман опустил парализованного на заваленный какой-то рухлядью пол, мешок положил поодаль, сам уселся рядом и замер, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи.

Сидеть в темноте для Германа было делом привычным. Он не сомневался, что вскоре их найдут, а потому приготовил к стрельбе арбалет, достал нож, ткнул его в какую-то доску, торчавшую из пола, потом слегка прикоснулся к шее Гнева — пусть знает: надо быть настороже.

Франц опять издал слабый стон, и Герман приложил палец к его губам, подумал, оторвал от изорванных крысочотом штанов длинный тряпичный лоскут и запихал пареньку в рот.

— Так нам всем лучше будет, — пояснил он.

Когда паралич начнет отступать, ощущения у бедняги будут не из приятных. Он почувствует себя так, словно кто-то решил разом выкрутить все нервные окончания в его теле. Наверняка Францу захочется вдоволь поорать, а кляп не даст ему развернуться на полную мощность и выдать их укрытие врагам. Оставалось ждать и молиться, чтобы Мусорщики их не нашли...

Время шло, сумерки загустели, обратившись тьмой летней ночи. Герману поначалу казалось, что зрение его должно адаптироваться к темноте, как это обычно бывало, но в подвале царил такой кромешный мрак, что различить даже очертания отдельных предметов не представлялось возможным.

Герман отлично знал, что произойдет дальше.

Во-первых, после того как Мусорщики немного отойдут от битвы с жабобыком, они будут злы. Жутко злы. Злее, чем жевала в период весенней течи. Сегодняшним вечером клан Мусорщиков потерял с десятков своих братьев, наверняка винят Германа, и, значит, помоишники в покое его не оставят, лучшие охотники клана бросятся за ним в погоню. Если даже ему удастся избежать смерти и благополучно убраться восвояси, в этот район Города месяца три не сунешься. Все будут стоять

на ушах, ожидая его нового появления. А между тем семена и корнеплоды можно раздобыть только здесь...

Во-вторых, когда погоня ничего не даст, Мусорщики начнут осмотр близлежащих домов, на тот случай если беглецы собираются переждать охоту в тишине и покое. Они будут прочесывать дом за домом, пока не наткнутся на них.

Вот это самое «во-вторых» Герману очень не нравилось. Ведь рано или поздно их обнаружат. Вся надежда была на то, что Мусорщики не рискнут лезть в темные подвалы ночью.

Франц тихо застонал. Герман сначала решил, что парень—охотник, раз сумел так далеко забраться от дома. Потом подумал, что на охотника Франц совсем не похож. Вряд ли во время опасности охотник будет ныть и вести себя НАСТОЛЬКО неуклюже. Скорее, он походил на неопытного, впервые выбравшегося за территорию родного клана ребенка. Что же, может, так оно и было, и когда бастионовцев начала косить зараза, Франц недолго думая прихватил винтовку и был таков. Молодец, нечего сказать...

Брошенное впопыхах стрелковое оружие было жалко, словно оно являлось собственностью Германа. Теперь винтовка наверняка в лапах врагов. Кстати, что-то их все еще не видно, хотя пора бы им объявиться. Мусорщики уже должны были догадаться, что Герман не бежит с тяжелой ношей на плечах по пустому Городу, а где-то прячется. Следовало бы проверить, как там обстоят дела. Кажется, вновь придется воспользоваться запретным, и это второй раз за день! Завтра придется расплачиваться за такое излишество сильной головной болью...

Герман замер. На третьей из прокачанных частот он обнаружил множественные, хотя и отдаленные, шумы бьющихся в ускоренном ритме сердец. Не спят гады! И ведь охота же им носиться ночью, да еще под дождем! Ладно, пока об этих парнях беспокоиться рано — они еще слишком далеко и не собираются лезть в здание, где он спрятался. Герман уже собирался было отбросить запретное, напоследок перешел на ближайшую частоту и едва не оглох. Да это же совсем близко! Они почти добрались до них. Сердце первого Мусорщика грохотало часто и испуганно, от сердца второго по частоте рас-

ползалось какое-то эхо. Словно у этого второго было не одно сердце, а целых два. Мутант...

Гнев зарычал в темноте. Значит, тоже почувствовал приближение незваных гостей. Герман едва слышно постучал пальцем о подошву ботинка, приказывая крысочку молчать, потянулся за арбалетом, медленно и по возможности тихо извлек из оружия обойму, в которой помещалось три болта с пороховыми наконечниками, и заменил ее на другую — ту, где были обычные стальные болты. Если его обнаружат, то лучше действовать бесшумно, главное — не промазать. В такой темени он не мог поручиться, что сможет попасть в цель. Обойма с сухим щелчком вошла в арбалет. Осталось только взвести тетиву. Сделано.

Запретное Герман так и не отогнал. Слушал. Двое шастали где-то по первому этажу, никак не решаясь спуститься в подвал.

«Правильно,— подумал охотник,— не ходите сюда. Здесь темно. Страшно. Опасно. Здесь сидит злобный тип, вооруженный арбалетом».

Герман слышал рассказы о некоторых Универсалах, которые обладали свойством мысленно уговаривать человека сделать то, что он даже и не думал делать. Иногда приходится жалеть, что ты не такой Универсал. Вот бы заставить их пристрелить друг дружку. Вот смеху-то было бы! Двое Мусорщиков потоптались у входа в подвал и, так и не решившись его проверить, ушли.

Вздыхнув с облегчением, Герман отложил арбалет и вытер выступивший на лбу пот. Пронесло. Оттолкнул запретное и поморщился. Слишком долго находился на частоте, затылок ныл от боли.

Франц неожиданно замычал и выгнулся дугой. Герман совсем забыл о мальчишке и, выругавшись, бросился к нему, что есть сил навалился на плечи, прижал к полу. Яд прекращал свое действие. Конвульсии спали, Герман зачужденным движением выдернул кляп изо рта Франца и перевернул паренька животом вниз. Франц полежал минуту, всхлипывая и содрогаясь всем телом, затем встал на четвереньки, в темноте раздались характерные звуки — его выворачивало наизнанку.

В то же мгновение наверху послышался топот. Мусорщики их услышали. Рано он избавил случайного спутника от кляпа. Герман выругался и взял арбалет наизготовку.

— Что это? Что со мной? — сквозь кашель спросил Франц.

— БлЮешь,— бесстрастно ответил ему Герман.— Последствия наркотика, который тебе вкололи в ногу. Уже лучше?

— Вроде да,— неуверенно ответил представитель клана Бастиона.— Где мы?

— А ты что, ни черта не видишь? — Герман все еще злился на Франца. Светла же судьба с такой зеленью!

— Тут темно,— откликнулся тот.

— В подвале. Когда ты заорал, нас услышали Мусорщики. Правда, их всего двое. Если они законченные кретины — ползут сюда вдвоем. Если у них сохранились остатки интеллекта — отправятся за подмогой.— Герман вырвал из доски нож.

— Откуда ты знаешь? — выдавил Франц.

Это было последнее, что он успел сказать. В подвал швырнули световую гранату, Герман услышал, как она летит по воздуху с характерным шипением, и инстинктивно закрыл глаза. Послышался хлопок — яркий свет резанул сквозь плотно сжатые веки. Полупарализованному мальчишке на полу повезло куда меньше. Он заорал в голос и покатился по полу, по осколкам стекла и обломкам железной арматуры, забившись куда-то в самый угол. Герман открыл глаза, различая окружающее в зеленоватом свете все еще тлевшей гранаты, и упал на пол. В подвал ворвались двое. Действовали они стремительно, и все же недостаточно быстро, чтобы обогнать арбалетный заряд. Герман нажал на спусковой крючок, и свистнувший в воздухе болт угодил точно в середину лба первому Мусорщику. Второй, неестественно широкий (должно быть, он и был мутантом) прыгнул на Германа, сокращая расстояние между собой и стрелком, замахнулся ножом. От Гнева сейчас не было никакого толка, он, как и Франц, попал под действие световой гранаты и теперь ни на что не обращал внимания, лишь тихонько скулил. Герман успел отпрыгнуть, но нож зацепил руку, разорвал рукав куртки и обжег кожу. Не будь куртка сделана из толстенной кожи жабобыка, следопыт обыч-

ной царапиной не отделался бы. Световая граната погасла, наступил крошечный мрак. Герман отпрыгнул, разрывая дистанцию, и практически наугад, уже в полной темноте, выстрелил. Болт с пронзительным визгом ударился о дальнюю стену подвала. Как видно, он прошел несколько выше, чем требовалось. Герман подкорректировал арбалет, замер, прислушиваясь, дыхание вырывалось из легких мутанта с противным шипением, как воздух из дырявой шины. Герман спустил курок, отправляя в полет последний арбалетный болт. В темноте раздался глухой удар, вскрик, и грузное тело повалилось на пол. Попал!

Осторожно следопыт положил разряженный арбалет на пол, взялся за нож и прислушался к звукам в подвале. Тихо стонал Франц, повизгивал приходящий в себя крысочот. Врага слышно не было. Или мертв, или затаился, скрывает шумное дыхание. Герман перескочил на запретное. Вот бьющиеся живые шумы — Франц. Эха от тяжелого биения пары сердец мутанта он не услышал.

«Значит, все же попал куда надо», — подумал Герман.

— Вот видишь, парень, они оказались крестинами, — заметил он, — а я был о них лучшего мнения. Вечно я переоцениваю людей.

Пальцы рук дрожали. Адреналин медленно покидал кровь.

«Впрочем, — задумался Герман, — смелость их, скорее всего, была вызвана тем, что у них имелась световая граната. Вот только как она могла попасть в лапы Мусорщиков? Они, наверное, даже не представляли, как она действует. Думали, что после яркой вспышки найдут в подвале одних мертвецов. На деле все вышло совсем иначе».

Франц тихонько поскуливал в углу, словно побитая собака.

— Эй, с тобой все в порядке? — поинтересовался Герман. — Не волнуйся за глаза, к утру зрение восстановится. Здесь все равно крошечная темнота. Смотреть не на что.

— Эт-то больно, — прошептал Франц.

— Конечно, — безжалостно усмехнулся Герман. — Но не так больно, как если бы эти ребята разделали тебя ножами. И съели. Живьем.

Франц промолчал.

Герман решил осмотреться. В свете гранаты, как ему показалось, он разглядел нечто очень интересное. Раз уж им предстоит провести в этом месте ночь, следовало узнать, кем был прежний жилец и был ли он вообще. В подвале отчетливо пахло экскрементами — возможно, он служил логовом крупному хищнику. Герману очень не хотелось с ним встречаться. Пришлось на ощупь копаться в мешке. Спустя минуту он уже сжимал в кулаке бензиновую зажигалку — горючего оставалось совсем мало, и следопыт старался использовать ее только в крайних случаях. Сейчас, кажется, был как раз этот самый «крайний случай». Огонь занялся с первого раза, несмотря на сточенный почти до основания кремль. Тени заплясали на серых мокрых стенах подвала.

Первым делом Герман проверил тело Мусорщика-мутанта. Болт угодил ему точно в середину груди. В углу, на самой границе круга света, Герман разглядел кучу какой-то рухляди. Прежде чем приблизиться к ней, он тщательно осмотрел пол. Помет принадлежал мелким животным, правда, его было довольно много, но зверьки явно не представляли серьезной опасности. Предварительный осмотр подвала внушал надежды на то, что ночь пройдет без сюрпризов. Герман направился в угол, отбросил ногой какую-то доску, потрогал черный продолговатый ящичек, отложил его до времени в сторону, потом распахнул дверцу приземистого железного шкафа — с сухим хрустом петли разломались, и дверца осталась у него в руках. Внутри было пусто. В общем, один старый, истлевший хлам, ничего примечательного. Герман разочарованно пожал плечами, пошевелил ногой ящичек, покрутил его в руках, но тот никак не желал открываться. Тогда Герман осторожно положил его на пол — решил разобраться с ним потом, подошел к Францу и присел рядом. Зажигалку он погасил.

В темноте послышались осторожные шаги Гнева. Как видно, крысокоту также не терпелось обследовать подвал. Ориентировался он в основном по запаху. Поначалу внимательному изучению подверглись тела Мусорщиков. Затем Герман услышал, как Гнев копается где-то в углу с мусором. Кажется, крысокот заинтересовался странным ящиком и теперь скребет его лапой.

— Гнев, тупая скотина,— позвал Герман,— иди сюда!..

В подвале неожиданно посветлело, как будто на смену сумеркам вдруг пришел день. Сначала в темноте проступили очертания стен, потом грузные тела убитых Мусорщиков, глаза Гнева блеснули, а затем и весь подвал осветился, тени поплыли по стенам. Откуда-то возникла белая фигура, бледная как смерть, она вдруг выплыла из стены и как ни в чем не бывало направилась через подвал. Увидев светящиеся во тьме очертания, Герман едва с ума не сошел от страха, он вскочил на ноги и сжал рукоять ножа. Чем бы ни была эта штука, но на обычного призрака совсем не походила. Франц почувствовал, что происходит нечто нехорошее, и закрутил головой, слепотараща глаза. Только крысочот был совершенно спокоен — то ли он не видел фантома, то ли *это* просто не вызывало у него никаких отрицательных эмоций и страха.

— Что происходит, а? — жалобно спросил Франц.— Это Мусорщики?

— Спокойнее, — сдерживая сердцебиение, сказал Герман, — все в порядке, все в порядке...

В то же мгновение призрак заговорил, причем так громко, что Германа пробрал озноб, он с трудом сдержался, чтобы не закричать.

— Дорогая, — проговорил замогильный голос, — если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе, не забудь купить на ужин кальмаров. Договорились? Я очень люблю тебя, милая... Хотя и кальмаров тоже...

Фигура исчезла, а потом снова двинулась в путь от дальней стены, опять раздался леденящий душу голос:

— Дорогая, если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе, не забудь купить на ужин кальмаров...

Герман в недоумении смотрел на белесую фигуру, которая раз за разом повторяла свой маршрут и произносила странные слова, и вдруг рассмеялся. Тайнственный призрак был всего лишь голографическим письмом, записанным в далеком прошлом! Когда-то он слышал о подобных штуках, да и Старый Кра много об этом рассказывал...

— Дорогая, если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе...

— Кто? Кто это? Кто здесь? — крикнул Франц.

— Можешь не бояться,— успокоил его Герман,— это мой старый приятель, он позаботится о том, чтобы ночью мы не скучали, правда, он умеет говорить всего одну фразу, но и та звучит очень забавно. Ты не находишь?

— Это что, голографическое письмо? — выдавил Франц.

— Точно.— Герман усмехнулся.— Слышал, у вас в Бастионе были такие штуки?

— У нас в Бастионе?! А, да! Были, конечно были! — кивнул Франц.— Что мы будем делать дальше?

— Ждать,— пожал плечами следопыт.

— Чего ждать? — переспросил Франц.

Герман вздохнул и принялся перечислять:

— Ждать, когда наступит утро. Этот район ночью небезопасен. Ждать, когда успокоятся Мусорщики. Рано или поздно им надоест нас искать. Ждать, когда у тебя восстановится зрение. Ты хоть что-нибудь видишь?

— Зеленые пятна перед глазами.

— Уже хорошо,— одобрительно кивнул Герман.— Значит, зрение восстанавливается.

— Знаю,— буркнул Франц.— А что будет утром?

— Утром попробуем перебраться через мост на ту сторону реки. Там мой клан. Там помогут. А сейчас давай спать, сегодня был тяжелый день. Гнев посторожит...

Герман улегся на пол, положив руки под голову, и неожиданно для себя очень быстро заснул. Его не тревожило даже то, что где-то в округе, возможно, рыскали Мусорщики и до самого утра звучал голос давно умершего человека:

— Дорогая, если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе, не забудь купить на ужин кальмаров. Договорились? Я очень люблю тебя, милая... Хотя и кальмаров тоже...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ, ГОВОРЯТ:

И были они белы, а руки их праведны.

И носили они красные кресты, принося теньям облегчение от огня, мора и страха. И вносили они в души их уверенность в завтрашнем дне и смелость. И ничего не брали они взамен.

Имя их — Госпитальеры — дети Господни.

ВНЕМЛИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА:

И были их одежды белы, а помыслы черны и неясны.

И носили они красные кресты, насмехаясь над истинной верой, не делая разницы между истинными детьми Его и тенями. Не признавая и не отрицая Его, ушли они от Истиной веры — и тени им стали ближе, чем дети Его. И вносили они в тени зерна злобы и непокорства. И брали они взамен души и пожирали их, ожидая, когда в мир вернется единственный их господин — Антихрист. Имя им — Госпитальеры, дети тьмы и вселенского хаоса.

*Последний Завет. Книга Нового мира.
Послание заново рожденным. Ст. 16*

К утру изображение призрака из далекого прошлого померкло, голос его дребезжал, как старая колымага Багажников на ухабах выщербленного асфальта. Временами он исчезал совсем, но потом снова появлялся и заводил старую песню.

— ...не забудь купить на ужин кальмаров. Договорились? Я очень люблю тебя, милая... Хотя и кальмаров тоже... — Первое, что услышал Герман, открыв глаза.

Крысочот ткнулся ему в щеку мокрым носом.

— И тебя с добрым утром, тупая скотина! — привычно проворкотал Герман и сел.

Белесая фигура отделилась от стены и уже примелькавшимся быстрым шагом направилась в центр подвала.

— Как же ты достал меня со своими кальмарами! — Герман выругался, голова болела так, будто вчера по ней стучали железным молотом.— Если бы я был твоей женой, подсыпал бы тебе яду!

Уже было утро, и через маленькое окошко в подвал проникали солнечные лучи. Судя по всему, рассвело совсем недавно. Герман встал и поморщился. За вчерашний день он трижды обращался к запретному, и теперь боль в затылке и щемящая тяжесть в висках будут донимать его очень долго. К полудню неприятные ощущения немного утихнут, но вот прослушать частоты Герман теперь сможет нескоро. Перешагнув через тело Мусорщика, он подошел к Францу и потряс паренька за плечо. Франц испуганно вскинулся, но, увидев Германа и осознав, что ему ничто не угрожает, тут же успокоился.

— Сколько видишь пальцев? — спросил Герман, сунув мальчишке под нос знак победы — «виктори», — одновременно он являлся знаком клана Ветродувов.

— Два, — ответил Франц.

— Значит, очухался, — удовлетворенно буркнул Герман. — Вставай, пора в путь. Лучше бы добраться до моста, пока туман не рассеялся. Есть хочешь?

— Немного.

Герман не без сожаления разломил последнюю плитку пищевого пайка.

— Понесешь мой мешок. Не все же тебе за мной без дела таскаться.

Пока Франц грыз свою порцию и безропотно закреплял тяжеленный мешок у себя на плечах, Герман занялся изучением карманов убитых Мусорщиков. Тот, кому он угодил болтом в грудь, оказался совершенно чист. У него не было даже самой завалящей пуговицы. Нож врага, каким-то чудом пропоротивший куртку Германа и поцарапавший ему руку, при должном осмотре оказался никуда не годным. Не без труда следопыт вырезал из тела Мусорщика болт. Франц уставился на него во все глаза, а потом резко отвернулся, что еще раз подтвердило догадку следопыта о том, что это первая вылазка мальчишки за пределы родного клана, иначе такие вещи вряд ли вызывали бы у него такую реакцию.

— Мясо будешь? — спросил он.

Парнишка вскрикнул от ужаса.

— Не бойся, — усмехнулся Герман, — это я пошутил, поеданием мертвецов не увлекаюсь.

Он перешел ко второму трупу. Здесь было чем поживиться. Герман обнаружил несказанную ценность — у покойника имелась еще одна световая граната! А в нагрудном кармане нашлись солнечные очки с темно-синими стеклами. Довоенные! И почти новые! На одной из дужек все еще красовались остатки непонятной надписи «Pola..id». Герман хмыкнул и убрал очки в карман куртки. Для него они ценности не представляли: что за глупость — смотреть на мир через темные стекла?! Так и какую-нибудь серьезную опасность можно не разглядеть. Но Герман знал пару ребят, готовых вот за такую довоенную без-

делушку отдать все что угодно. Например, немного бензина для его старенькой зажигалки или отличный набор хирургических игл и шовный материал. Свой комплект игл, не раз штопавших его раны, он выменял на серебряный портсигар с рубиновой защелкой. Для него портсигар не представлял абсолютно никакой ценности, а один придурок из клана Бастиона, когда увидел старую безделушку у него в руках, буквально лишился рассудка. Надо быть полным идиотом, чтобы поменять редкий медицинский набор, который встречается не у каждого Госпитальера, на абсолютно ненужную, пусть и красивую, безделушку. При воспоминании о глупости Бастионовца губы следопыта растянулись в улыбке...

Из трех арбалетных болтов целыми остались только два. Тот, что ударился о стену, теперь никуда не годился. Герман вновь вставил болты в продолговатый «пенал» обоймы и зарядил арбалет. Пора в дорогу.

— Франц, подними нож. Ты готов?

Паренек поспешно кивнул. После вчерашнего происшествия вид у него был бледный. Герман послал крысокота вперед и двинулся к выходу из подвала. Прежде чем выйти из здания, он выглянул на улицу. Дождь за ночь прекратился, и теперь в ямах искореженного асфальта масляно блестела вода. Свежо. Туман уходил, видимость наконец стала вполне приличной. Во всяком случае, отсюда была отчетливо различима завалившаяся на бок туша жабобыка, а вокруг — тела погибших в схватке Мусорщиков. Живых вроде бы нет. Герман потянулся было к запретному, но тут же себя одернул. Не следует заигрывать — от головной боли можно и сознание потерять. Такое уже случалось с ним несколько раз, и Герман очень не хотел снова падать в обморок. Ничего запретного до полудня! Придется полагаться исключительно на острое чутье крысокота. Зверь вел себя спокойно, словно опасности не было, но Герман все еще не решался выйти из укрытия. Он внимательно изучал улицу, вглядывался во тьму окон близлежащих зданий, лег на землю, приложив к ней ухо, но ничего не услышал. Как видно, Мусорщики решили оставить их в покое, а может, врагов что-то испугнуло. Неужели речи призрака из гологра-

фического письма о кальмарах? Только темные боги знают, что может напугать этих ненормальных Мусорщиков.

Франц нетерпеливо топтался на месте, украдкой поправляя мешок. Герман наконец решился:

— Идешь за мной. Быстро. Верти башкой. Но под ноги не лезь. Усек?

— Да,— кивнул Франц.

— Двинули!

Крысочот бежал метрах в двадцати впереди — разведывал местность. Герман держал арбалет наготове, но желающих напасть пока, к счастью, не наблюдалось. Охотник хорошо знал, что доверять мнимому затишью не стоит. Иногда оно означало, что крупный хищник притаился неподалеку, выпустил когти и ожидает, когда ты подойдешь поближе. В другом случае тишина предвещала приближение Бури или иного бурного проявления дурного нрава природы. А еще Герман был уверен в том, что такая же тишина окружает следопыта, когда он уже умер: все живые существа в этом мире перестают существовать, а он все блуждает и блуждает по пустынному Городу, пока не поймет, что его больше нет. Помнится, идея эта принадлежала Альбе и почему-то напугала его тогда до чертиков. Вот ведь странно: теперь, после смерти Альбы, при воспоминании об этом он чувствует себя совершенно спокойно. Может быть, он и сам перестал бояться смерти, может быть, иногда ему даже хочется, чтобы она пришла, и, может быть, тогда, где-то там, в другой реальности, он встретится с Альбой. Тишина вдруг стала тяготить его.

— Не нравится мне все это,— проговорил Герман,— странно...

— Что странно? — откликнулся Франц.

— Мусорщики — народ упрямый, они так просто дичь не оставят. А о нас словно бы забыли...

— Разве это плохо?

— Не знаю, не знаю.— Герман резко обернулся, ему показалось, что в развалинах мелькнула тень и послышался какой-то шорох.

Он замер... Жестяной лист почти оторванной кровли на соседнем здании шевельнулся, задрожал под ветром, издавая отчетливое шуршание, и Герман шумно выдохнул.

— Ложная тревога,— сказал он,— двинулись дальше...

На Мусорщиков путники наткнулись, когда почти добрались до железнодорожного полотна. Четыре тела лежали прямо посреди улицы в самых нелепых позах. Поначалу Герман подумал, что они — покойники, но стоило подойти к ним поближе, и охотник понял, что все четверо живы. Из-под век на небо смотрели мутные, пустые глаза, будто хозяин тела пошел прогуляться, оставив оболочку лежать на асфальте, на радость местным хищникам. Герман поежился. Вспышка новой заразы? Не решаясь приблизиться, он долго и внимательно изучал лежащих на земле людей. Первым не выдержал Франц:

— Что с ними?!

— Сколько же ты интересных вопросов задаешь! Не знаю я, что с ними! Вроде живы, а вроде и нет. Как будто их парализовало. Видишь, живые...

Герман пересилил себя, подошел к ближайшему телу и осторожно пошевелил Мусорщика ногой. Никакого эффекта. Казалось, Мусорщик спит с открытыми глазами. Парень бессмысленно смотрел в небо, никак не реагируя на присутствие чужаков. Осмелев, Герман пнул его в бок. Без толку.

— Что ты делаешь? — спросил он, заметив, что его спутник времени не теряет.

Франц стоял на коленях над одним из Мусорщиков и задумчиво держал его за руку.

— А? Щупаю пульс.

— Ты что, в этом что-то понимаешь?

— Немного...

Герман покосился на Франца с уважением: если паренек понимает что-то в болезнях и даже умеет их лечить, то клан Ветродувов с распростертыми объятиями примет в свои ряды такого полезного человека.

— Пульс у него редкий,— сказал Франц.— Причем очень. Ударов двадцать в минуту, не больше. Я такого раньше... — он запнулся.— Я такого раньше не видел. Если это и яд, то очень странный. Смотри.

Франц без труда согнул и разогнул руку Мусорщика.

— Это не тот токсин, что вчера вкололи мне. Даже не могу предположить, что это такое.

— Плевать мне, что это такое. Вон железная дорога уже видна. Оставь их. Все равно мы не будем им помогать.

— Так нельзя.— Франц отрицательно покачал головой.— Разве мы можем оставить их тут без помощи, вдруг какой-нибудь хищник...

В это мгновение Герман у дальней стены в ста метрах от них заметил нечто очень и очень любопытное.

— Гнев,— позвал он и дважды шелкнул пальцами.

Крысочот стремительно кинулся вперед, следом за ним двинулся Герман, оставив Франца возле Мусорщиков. Пусть себе рассуждает о помощи безвинно пострадавшим отморозкам. Его подобными речами не растрогаешь. Мусорщики — враги. Пусть о них позаботятся люди из их же клана. Хотя он сильно сомневался в том, чтобы Мусорщики стали помогать друг другу. Не такой был характер. Каждый сам за себя. Мерзкие ублюдки...

А парень, судя по всему, неплохо разбирается в медицине. Герман оглянулся и увидел, что его спутник приподнимает веко одного из парализованных, трогает его горло и явно смекает про себя что-то, задумчиво наморщив лоб.

Герман приблизился и остановился, пораженный увиденным: возле стены, наполовину вывалившись из окна здания, без движения лежал кольчатый зубастый зверь — медвед-кочервь. Он дышал — ноздри его редко, но широко раздувались, а из пасти тонкой струйкой вытекала желтая слюна, семь десятков длинных розовых ножек подрагивали. Неподалеку от хищника, поджав под себя лапы, беспомощно растянулся крупный грызун — сумчатый крот. За ним, в нескольких метрах дальше, свернулась, поджав розовые лапки, парочка малышей-ревунов... Такого Герману видеть еще не приходилось. Чтобы разом все живое в округе впало в глубокий транс.

Холодный страх сжал его сердце. Вернулись мысли о новой заразе... Пока в клане Ветродувов о такой не слышали, но все болезни на свете когда-нибудь появлялись впервые (особенно после того, как во время Последней войны противники в буквальном смысле завалили друг друга не только атомом, но и

бактериями). А глупый мальчишка сейчас щупает пульс у будущих мертвецов, трогает веки. Да на их телах, возможно, находятся миллионы заразных микроорганизмов!

Германа посетила предательская мысль бросить Франца и немедленно пуститься наутек. Посетила и отступила. Герман и сам касался ботинками безвольных тел Мусорщиков. Потом вспомнил, что мешок с корнеплодами и семенами находится у мальчишки и что ценный груз теперь, возможно, тоже заражен...

Гнев вдруг метнулся вдоль улицы, заволновался, издал предупредительный кашель. Герман вскинул голову — вдалеке слышался отчетливый гул. Любой клановец знает: гул может означать только одно — кто-то едет. Раз кто-то едет, то это или Багажники, или Меганики. От тех и других предпочтительнее держаться как можно дальше. Отточенный инстинкт охотника подсказал мгновенное решение. Герман стрелой рванул назад, на ходу окликая Франца. Тот все еще колдовал над телами — стучал указательным пальцем по грудной клетке, пытался привести одного из Мусорщиков в чувство. Герман успел подумать, что, если бы не тревога, скоро могло дойти до искусственного дыхания, схватил парня за предплечье и потащил прочь, увлекая за собой в развалины. Франц поначалу возмутился подобной бесцеремонностью, но, услышав гул мотора, немедленно заткнулся и больше не спорил. Они втиснулись в темную трещину в стене, Герман никак не мог протолкнуться в нее, настолько она была узкой, потом все же подобрался всем телом и залез внутрь. Колючая проволока зацепилась за уже испорченный рукав куртки, и они оказались в тесном укрытии — ловушке. Если бы Герман знал, что выхода отсюда нет, ни за что бы сюда не сунулся. Четыре стены, завал на том месте, где когда-то была дверь, и трещина, со стороны которой приближались неизвестные.

Франц привалился к стене, стремительное бегство напугало его. Верный крысочот прижимался к ногам Германа. На всякий случай следопыт взял зверя за широкий ошейник.

Через секунду на улице послышался отчетливый рев мотора. Герман осторожно выглянул в расщелину и увидел медленно двигавшийся вдоль улицы грузовик. Машина, хоть и была обшита бронированными стальными листами, ничуть не по-

ходила на знаменитый танк Багажников. Герман готов был поручиться, что подобный грузовик он видит впервые. На кабине никаких опознавательных знаков клана, управляющего тоже не видно — вместо лобового стекла у грузовика была бронированная пластина с узкой смотровой щелью. Рядом с ней торчало черное жерло короткоствольного пулемета. Грузовик надсадно ревел двигателем и двигался прямо к телам Мусорщиков и... заветному мешку с корнеплодами.

«Вот черт! — выругался про себя Герман.— Франц, проклятый кретин! Угораздило же меня связаться со щенком! Конечно, мешок они не пропустят!»

И ничего нельзя сделать! Он с трепетом продолжил наблюдать за происходящим, ощутив бессильную злобу, с трудом подавил желание дать мальчишке хорошего пинка. Доверил ему самое простое — тащить мешок, но даже с этой задачей он не справился!

Грузовик со скрипом остановился, едва не наехав на тела впавших в транс Мусорщиков, и оглушительно чихнул, выпустив из трубы, торчавшей под квадратной кабиной, едкое облако черного дыма. Затем управляющий заглушил мотор, и бронированная дверь кабины с лязгом отъехала в сторону.

Вид выпрыгнувшего из кабины человека Герману сильно не понравился. Правая рука незнакомца была металлической — выполненные из титанового сплава шарнирные суставы и цельный жесткий остов. Такой ручкой запросто можно пробить каменную стену, но чаще всего хозяева используют ее для тяжелой работы. Меганики. Сердце предательски заколотилось. Если кого и следовало особо опасаться в Городе, то Мегаников — хорошо оснащенных, уверенных в себе, фанатичных, отлично знающих свое дело, использующих другие кланы для своих нужд и устремлений...

Из стального кузова машины выпрыгнули еще шестеро. Все вооружены короткими парализаторами. А у двоих еще и автоматические ружья. Обладатели огнестрельного оружия встали по краям грузовика, изучая местность на случай непредвиденных обстоятельств. Остальные принялись затаскивать тела впавших в транс Мусорщиков в грузовик. Бросали их в кузов, не особенно церемонясь. Работая, Меганики почти

не разговаривали друг с другом, только по делу — у них была четко поставленная задача, и они старались выполнить ее быстро и в кратчайшие сроки.

— Чертовы механизмы,— проворчал Герман.

В работе, слаженно делая свое дело, Меганики и вправду более напоминали машины, а не людей. Они двигались синхронно, крепкие конечности бросали обездвиженные тела легко, словно они ничего не весили. Мышечная сила Мегаников, насколько знал Герман, многократно усиливалась вживленными под кожу имплантами. Поэтому другие кланы с ними старались не связываться.

После того как тела всех четверых мусорщиков оказались в кузове, один из Мегаников вынул круглый прибор и что-то покрутил в нем, наблюдая за показаниями.

— Это еще что такое? — прошептал Герман.— На датчик радиации вроде непохоже.

Франц выглянул в трещину рядом:

— Это тепловой локатор! — Голос его дрожал от страха.

— Что еще за локатор? — спросил Герман.

— Они узнают, где мы находимся... — пояснил Франц.

— Да? — Герман уставился на Меганика, испытав мгновенный укол страха.

Крепкий тип с локатором медленно поднял глаза от прибора и уставился на расщелину, где они прятались. Герман отшатнулся и прижался к стене. Теперь сердце колотилось уже не в груди, а где-то около горла. Чертовы Меганики! Ну и угрозило же вляпаться в такую неприятность! Похоже, этот Франц создан для того, чтобы приносить несчастья.

Послышался резкий окрик, кажется, парень с локатором подозвал остальных и стал что-то им втолковывать. Ясно что — говорит, надо вытащить из-за стены обнаруженные благодаря прибору тела и погрузить их в грузовик.

— Что будем делать? — испуганно прошептал Франц, ему передался страх, колотивший Германа.

— Лучше помолчи,— сердито прошептал следопыт.— Я думаю!

«В арбалете два болта, последняя из обойм — пороховая— на поясе, с ножом против любого из Мегаников вряд ли про-

держишься долго, но кроме драки на ум ничего не приходило. Как выбраться из западни? Как отсюда выбраться?!»

Судорожные размышления Германа прервали отчетливые шаги. Один из Мегаников приблизился к укрытию и принялся расширять трещину. Он ломал кирпич тяжелой механической конечностью, сохраняя зловещее молчание. Остальные ему не помогали. Слышалось едва различимое жужжание — это суставы врага двигались в шарнирных сочленениях. Потом Меганику, видимо, надоело крошить кирпичи, и он сунул в трещину руку, намереваясь зацепить стену целиком и развалить ее одним рывком. Герман отступил назад, глядя, как механические пальцы ложатся на красно-коричневый хрупкий от времени камень. Охотник поднял арбалет и прицелился.

«Как только стена рухнет, выстрелю ему в башку! — решил Герман. — А там будь что будет!»

Вдруг там, где стоял грузовик, что-то затрещало и послышался чей-то голос, заглушаемый помехами. Рука мгновенно исчезла. Опять — тяжелые шаги, потом зазвучали голоса, выкрики, Меганики явно о чем-то спорили.

— У них там рация! — изумился Франц.

— Заткнись!

Прошла почти минута, затем взревел мотор, и Герман понял, что грузовик отъезжает. Сборщики парализованных Мусорщиков отправились куда-то по срочному делу. Ну и ска-тертью дорожка! Охотник выглянул наружу. Мешок лежал на том же месте, где его бросил Франц...

«Не заинтересовались», — подумал Герман и мысленно возликовал.

— Пошли, — он дернул Франца за рукав...

От частых дождей и прошедших со времени Последней войны веков некогда блестящие рельсы покрылись толстым слоем ржавчины, шпалы рассохлись, заросли буйной летней травой. Герман и Франц осторожно шли вдоль старых железнодорожных путей. Шли молча. Герману было о чем подумать, и Франц, почувствовав, что его спутник не в настроении, замолчал и с глупыми вопросами не приставал. Крысокот иногда

забегал далеко вперед, потом возвращался, вилял лысым хвостом, а затем вновь уносился исследовать местность.

Герману не давали покоя Меганики и то, что произошло совсем недавно. На кой черт им понадобились вонючие тела Мусорщиков? Ответа на этот вопрос Герман никак не мог найти. Какого дьявола здесь вообще происходит?! Что случилось со всеми? Мусорщики, медведкочервь, ревуны... Все они впали в необъяснимый транс. Заболели? Но почему тогда болезнь не поразила их с Францем и Мегаников?

Впереди на рельсах показался ржавый остов локомотива, сзади к нему были прицеплены два вагона-цистерны. Герман сошел с рельс и, не обращая ровным счетом никакого внимания на состав, обогнул преграду и вернулся на железнодорожное полотно. Он заметил, что Франц таращится на огромную заржавленную и обгоревшую машину из прошлого во все глаза.

— Ты что, никогда раньше не видел подобной рухляди?— буркнул Герман.

— Что? А... да! Не видел, только слышал о поездах. Не могу поверить, что подобные штуки до войны ездили по всей планете.

Герман с подозрением уставился на своего попутчика.

— Вот бы прокатиться! — между тем восторгался Франц.

— Как же ты на нем прокатишься? — хмыкнул Герман.— Провода обесточены. В этом районе электричества лет сто пятьдесят уже нет. Да и машина давно пришла в негодность.

— А ты откуда знаешь?

— Лет пять назад залезал внутрь, думал, может, найду там что-нибудь интересное. Там вся эле... электроника выгорела. Ну, когда... Ты понял.

Франц понял. Когда на северную часть Города сбросили бомбу, пожаров было много. Почти вся чувствительная техника пришла в негодность...

— А в цистернах что? — Франц опять обернулся к локомотиву.

— А жевала его знает,— бросил Герман, отчаянно связывая ниточки ускользающих догадок.— Но не бензин, точно. Иначе во время вспышки весь локомотив взлетел бы на воздух. По мне, так лучше не проверять. Не поручусь, что там нет химикатов или еще какой ненужной дряни.

«Даже если бы там был бензин, — подумал Герман, — то его давно бы откачали».

Поперек железнодорожных путей лежало несколько перевернутых и большей частью разрушенных вагонов того, что раньше называлось пригородным пассажирским поездом. Пришлось обходить. Франц заглянул в одно из разбитых окон и, вскрикнув, отшатнулся.

— Там скелеты!

— А ты чего ожидал увидеть? Голую девку?! — Голова у Германа все еще болела, и настроение было паршивым.

Больше Франц не проявлял любопытства, всю дорогу до реки молчал. Только когда путники подошли к мосту, Франц выдал восхищенное «ух».

Перед ними раскинулась широкая лента реки. Небо затянуло облаками, казалось, что речная вода пожирает солнечный свет, впитывает его и отражает глубоким матовым сиянием. Стояло позднее утро, туман полностью растворился, и район, где жили Ветродувы, был виден как на ладони. До войны в Нидерраде располагались жилые кварталы, здесь был крупный парк и множество зеленых насаждений. Бомба упала на севере, там, где Город был современным мегаполисом и простирался к небу многочисленными стрелами небоскребов, а эта часть Города тогда практически не пострадала, дома здесь стояли низкие, каменные, старой постройки.

После того как предки Ветродувов покинули Убежище, клан жил вольготно на зависть соседям. Желających примкнуть к Ветродувам было много, но Старый Кра в отборе новых членов руководствовался исключительно собственными предпочтениями и практическими соображениями, поэтому большинство чужаков чаще всего изгонялись. Исключение делалось для женщин, способных рожать, и сильных мужчин, обладающих навыками охотников, следопытов, механиков или врачей.

У Франца были все шансы стать полноправным членом клана, но Герман все больше испытывал подозрения, что парень совсем не тот, за кого себя выдает. Не снял ли он куртку с перечеркнутым волнистой линией кругом — знаком клана Бастиона — с убитого? Кто он на самом деле? Жизнь научила

Германа осмотрительности и жестокости, но в случае с мальчишкой он повел себя как законченный идиот — поверил в рассказы незнакомца, повел его в родной клан...

За размышлениями Герман не заметил, как они пришли.

— Нам туда? — Франц кивнул на мост.

— Да,— сухо ответил охотник.

— А другого пути нет?

— По мосту раньше поезда ходили, так что твой вес он точно выдержит.

Франц с опаской покосился на колоссальную, проржавевшую до самого основания конструкцию, соединяющую берега Майна. Мост угрюмым великаном угрожающе навис над рекой. Двенадцать мощных бетонных опор уходили в воду, удерживая могучую конструкцию от падения. Герман не врал: несмотря на ржавые крепления и опоры, мост все еще был крепок. Лет триста он еще простоит, а потом, как и другой мост, находившийся дальше по течению, рухнет. Герман скосил глаза влево и увидел вдалеке торчащие из воды, словно зубы огромной рыбы, железные опоры — вот и вся память о некогда существовавшем мосте. Когда-нибудь жернова времени перемелют все постройки старого Города, и с берега на берег придется переправляться вплавь.

Несмотря на стойкую уверенность в том, что мост пока крепок, Герман передвигался по нему крайне осторожно. Крысокот, почувствовав настроение хозяина, перестал носиться по округе и пошел рядом. Несмотря на то что мост был железнодорожным, по краю на нем имелась пешеходная дорожка. По ней Герман и Франц отправились в путь.

Опираясь на ржавые перила, Франц смотрел вниз, на серую воду. Там внизу перекатывались тяжелые серо-голубые тела, рассекая мутную гладь, проплыл острый плавник, и гигантская рыба скрылась из виду.

— На перила не налегай,— предупредил Герман,— они совсем гнилые!

— Смотри! — Франц ткнул вниз указательным пальцем.— Рыба тоже не уснула.

— Ну и что? — вяло откликнулся Герман. У него так болела голова, что ему не было дела ни до каких рыб. К тому же с некоторых пор парень его раздражал.

— Это означает, что рыба, как и мы, находилась ниже уровня действия А-импульса. Подвал того дома был чуть выше уровня реки,— заключил Франц.

Его вывод так поразил Германа, что он уставился на мальчишку немигающим взглядом.

— Какого... какого импульса? — спросил Герман.

— А-импульса,— не понимая, куда клонит охотник, пробормотал Франц.

— Ах, А-импульса,— откликнулся Герман,— ну тогда все понятно!

В этот момент он испытал страстное желание схватить умника за ноги и швырнуть его вниз, пусть полюбуется на свою рыбку с близкого расстояния. То-то рыбешкам радости будет! Так бы плавали и плавали без завтрака, а тут на тебе — сам пришел. Даже не пришел, а прилетел откуда-то сверху — подарок неизвестных богов.

Не раздумывая больше ни секунды, Герман схватил Франца за грудки, бросил через бедро и, прижав паренька всем своим немаленьким весом к мосту, достал нож.

— Ты кто такой?! — прорычал он.— Говори быстро!

— Ты что?! С ума сошел?! Я из клана Бастиона! — хлопая серыми глазами, затараторил Франц.— Заблудился я, а тут ты, ну я и думал, что ты меня...

— Что? К Ветродувам приведу, да?! — рывкнул Герман и встряхнул мальчишку, словно крысочот пойманного ревуна.— Говори, кто тебя послал?

— Больно же! Пусти! — дернулся Франц, но Герман держал его крепко.— Я из клана Бастиона!

— Бастиона?! Чушь! Если ты Бастионец, то какого дьявола ни разу не видел поезда?!

— Но в нашем районе нет поездов! — Побледневший Франц все еще пытался сопротивляться.— Там одни небоскребы!

— Да?! А депо?! Депо, где стоит куча таких вот ржавых локомотивов?! Если ты из Бастиона, то должен был раньше видеть поезд! Что ты на это скажешь?!

Франц ничего не сказал, только прикусил язык.

— Все! Ты мне надоел! — Герман поднес нож к лицу паренька.— Или ты говоришь мне, кто ты такой и что произошло сегодня утром, или в свой клан я пойду один, а ты отправишься кормить рыб!

Про себя Герман судорожно соображал: кем же могли быть неведомые враги, решившие подослать к Ветродувам шпиона? Мусорщики — точно нет. У них мозгов на это не хватит. Медоеды? Тоже отпадает. Ветродувы дружили с этим кланом. Багажники? Да не похож он на Багажников. Те народ дикий и неуправляемый, а этот — сопляк сопляком... Поджигатели? Вполне возможно, но тоже что-то верится с трудом. Меганики? Очень возможно, если бы не одно но. Меганики ненавидят мутантов и чуть ли не через каждое слово начинают говорить проповедями из своего священного писания, рассказывая о том, что мутанты — зло и семя дьявола. Будь Франц Мегаником, живи он с ними — точно не смог бы так просто выносить крысокота, да и выдал бы себя словами. А на памяти Германа Франц ни разу не помянул бога, а уж тем более не бросался фразами из проповедей фанатиков. Нет, он точно не Меганик. Из какого-то менее влиятельного клана Города? Тоже маловероятно, почти невозможно. Всякой мелочи не до Ветродувов. Тогда кто же он такой?!

Паренек взглянул в побелевшие от бешенства глаза Германа и, поняв, что следопыт шутить не будет, сдался:

— Хорошо, Герман. Я скажу. Да освободи же ты мне руку! — крикнул он.— Ничего я тебе не сделаю!

Герман поколебался, потом подумал, что бояться неопытного щенка — смешно, убрал от лица Франца нож и освободил ему правую руку.

— Может, ты с меня слезешь?

— Ты вроде собирался мне что-то рассказать.

Лже-Бастионовец вздохнул и закатал рукав куртки. На предплечье Франца был вытатуирован красный крест.

— Вот черт! — выругался пораженный Герман и слез с Франца.— Госпитальер!

Франц сел и молча спрятал татуировку под рукавом куртки.